То, насколько я недооценивал Эфиру, стало ясно, как только я занял место за столом. Раньше я считал ее мелодраматичной и мелочной. Она была такой, но в то же время обладала иными чертами.

Я был искусен в переговорах и управлении государством.

Эфира была мастером.

Повара за длинным столом слева от меня измельчали пищу чуть громче, чем нужно. Стол был отодвинут от меня слишком далеко, чтобы было удобно. И не сомневаюсь, что у шатающегося кресла были намеренно укорочены ножки. Каждый раз, когда он трясся, я был вынужден вцепляться в стол, а мой взгляд, естественно, устремлялся в массивную пропасть справа от меня.

У дальнего подножья пропасти я увидел, как огромный демон с головой, вдвое меньшей, чем его тело, пронзил маленького демона, подбросил его на десятки футов в воздух, только для того, чтобы потом снова пронзить. Каждый раз, когда кресло сдвигалось, думать становилось почти невозможно.

Отец однажды сказал мне, что есть три аспекта успешного допроса. Терпение, рычаги давления и дестабилизация. Эфира проявила терпение, прислав за мной карету и доставив меня к ней, а не явившись ко мне домой. У нее уже было достаточно рычагов давления на меня из-за всего, что произошло в поместье Дердре. И вся эта инсценировка была ее попыткой сделать последнее — попыткой куда более формальной и прямой, чем большинство других, но все же эффективной и хорошо исполненной.

— Я буду рад ответить на любые ваши вопросы, — сказал я.

— О, еще не время, дорогой. Я не настолько груба, чтобы пригласить гостя на обед и не накормить его. — Она отпила из своего бокала разноцветную смесь, украшенную черной вишней, лежавшей у основания.

Мне не понравилось, как она это сказала. Как и вся эта ситуация. Нужно заставить ее отойти от сценария.

— Можем избавиться от притворства, советник. Я знаю, что вчера перегнул палку, и намерен выполнить свое обещание и загладить свою вину перед вами.

Она вытянула палец руки, держащей бокал, подчеркивая каждое слово. — Глупости. Притворство очень важно. Как принц, вы, как никто другой, должны это знать.

Я отмахнулся от ее слов. — Считаю, что притворство — это не более чем повод для высокородных и знатных наслаждаться скучными зрелищами.

— Боже, Боже, неужели вам сейчас скучно, мой дорогой Кэрн? — спросила Эфира. Она не ошиблась. Я много чего умел, но не переносил скуку.

— Простите, иногда я злорадствую, — продолжала Эфира. — Это недостаток характера. Хочу сказать, что притворство — это часть ритуала. А ритуалы — это все, что отделяет нас от них. — Она указала своим бокалом вниз на сражающихся демонов в бездне.

Можно спросить. Уверен, она умирает от желания ответить.

— Почему они сражаются?

— Они сражаются, потому что это особенно богатый ресурсами участок мелководья Святилища, изобилующий осколками душ и кровавым стеклом. Но если вы имеете в виду в философском смысле…

— Я не… — перебил я, но Эфира продолжала.

— Они сражаются, потому что они животные. А животные должны сражаться, чтобы выжить. Это заложено в их природе. Точно так же, как в нашей природе — конкурировать и договариваться за положение.

— Вы смотрите на них свысока.

— Напротив, мне нравится наблюдать за ними, потому что они напоминают мне, насколько важны простые институты радушия и манер. Если эти институты падут, мы окажемся в грязи вместе с ними, будем убивать за объедки, питаться плотью падших. Это борьба душ, если вам так угодно.

Эта мысль была распространена среди богатых людей в Уайтфолле, ее обычно поднимали и обсуждали всякий раз, когда происходило восстание. Забавно, как важны манеры, когда ты ни в чём не нуждаешься.

— Значит, вот чем мы являемся в ваших глазах. Животные, способные к высшему мышлению, но все равно животные.

— В некотором роде, — подтвердила Эфира.

Я решил вступить с ней в разговор, хотя бы для того, чтобы отвлечься от окружающей обстановки.

— Мне бы хотелось думать, что мы лучше. Что душа — или сущность того, благодаря чему мы являемся личностями, индивидуальными, что она возвышает нас над четвероногими

существами, рыщущими по земле, и демонами, сражающимися в темноте.

— Разве это не тот же самый аргумент, позволяющий вашему виду отвергать нас напрочь? Чистота души? — спросила Эфира. Когда ее взгляд пронзил меня, я впервые заметил, что ее глаза не были полностью белыми. Под блеском слоновой кости скрывался контур радужки.

— Значит, я должен взять на себя ответственность за каждый проступок людей по отношению к инферналам? — Я пожалел о своем высказывании, как только оно было произнесено. Сарказм может показаться мелочным и вызывающим.

— Полагаю, нет. Возможно, нам следует придерживаться темы.

— Да. — Я вздохнул с облегчением. — Тогда перейдем к делу.

— К обеду, — сказала Эфира, и я подавил стон. Повара принесли несколько тарелок, порции были невероятно маленькими. Среди закусок был простой клиновый салат с бальзамической заправкой и небольшая порция супа, но что действительно заставило меня задуматься, так это основное блюдо.

На первый взгляд это был просто лёд, поданный в стальной чаше, в которой отражалось моё недоумевающее лицо, когда я заглянул в неё. Присмотревшись, я заметил, что на самом льду появилось какое-то визуальное искажение.

Затем оно зашевелилось. Я подскочил. Там было около дюжины маленьких полупрозрачных квадратиков. Эфира наблюдала за мной с самодовольным выражением лица.

— Я знаю, что приютившие вас не отличаются богатством, но вы уже год живете в анклаве и не слышали о Сцео?

Естественно слышал. Сцеокельские нитевидные слизни упоминались в анклаве так же часто, как люди упоминают Такорнскую говядину Хиавакиры.

— Только вскользь.

— Они — культурное достояние. — Эфира задула маленькую странную свечу, стоявшую рядом с серебряными приборами. Она взяла самую маленькую ложку на тарелке и покопалась ею в образовавшемся воск. — Сначала — бальзам. — Она провела ложкой по бледным губам, придав им голубой блеск от света, отраженного от пещерного озера.

Я повторил ее движения, чувствуя беспокойство.

— По традиции, Сцео едят первым, перед едой, и ничем не запивают. — Голос Эфиры приобрел поучительную нотку. — Вы почувствуете, что пищеварительный тракт работает на полную

мощность. Он будет слишком быстро реформироваться, если квадратики не будут нарезаны точно по размеру. Теперь возьмите квадратик и проглотите. — Она положила ложку с вилкой довольно глубоко в рот, чтобы продемонстрировать.

— Ни в коем случае не жуйте.

— Почему? — спросил я, не уверенный, что хочу знать ответ.

— Потому что когда мембрана порвется, это будет самое вкусное, что вы когда-либо пробовали. Но это будет и последнее блюдо в жизни. — Слова Эфиры были лишены всякого юмора.

— Пищеварительные ферменты, содержащиеся в Сцео, растворят ткани во рту, дёсны и даже язык.

Мой аппетит, который и так держался на волоске, совсем пропал.

Эфира улыбнулась, явно наслаждаясь моей реакцией. — Однако, если употребить его правильно, кислота желудка нейтрализует фермент. И одного шепота вкуса, возникающего при этом, будет достаточно, чтобы воспоминания о любых деликатесах, которые вы когда-либо ели… — Эфира взмахнула рукой в мистическом полукруге, — …совершенно устарели.

Я посмотрел вниз на крошечные квадратики, перемещающиеся по льду. Цель была очевидна. Эфира пыталась сформировать психологические трещины. Если я отступлю и откажусь есть, это теоретически нарушит баланс сил между нами и сделает меня более податливым для других тем разговора. Потребление слизня тоже в некотором смысле было формой подчинения, но альтернатива была еще хуже.

Собравшись с силами, я подцепил кусочек. Лед зазвенел под зубьями моей вилки. Полупрозрачное существо расширялось вширь и вглубь, как будто дышало. Оно медленно поднялось к основанию вилки, маленький усик протянулся к ножке вилки.

Я закрыл глаза и втянул его в рот, быстро проглотив. Мои глаза расширились, когда оно не захотело быть проглоченным. Консистенция была жгучей и липкой. Это было похоже на ужасную простуду.

Оно двигалось. Поднималось по гортани.

И только тогда я заметил, что мой бокал все еще пуст.

Эфира наблюдала за мной. Ее веселье угасло в тот момент, когда я попробовал первый кусочек. Она знала, что мне нужно, но ждала, пока я попрошу.

К черту манеры.

Я встал, не сводя с нее глаз, затем движениями, гораздо более контролируемыми и размеренными, чем мне казалось на самом деле, отнес свой пустой стакан к окружающей воде и наполнил его. Затем осушил стакан. Возможно, это было вызвано моим отчаянием, окрасившим воспоминания, но я помню, что вода была на удивление приятной на вкус. Противная штука, прилипшая к задней части моего горла, наконец, ушла вместе с ней.

Эфира ждала, что я рассержусь на нее. Стану разглагольствовать и буянить. Но я просто наполнил свой стакан и вернулся за стол. Затем проглотил еще один квадратик Сцео. Эта порция пошла гораздо легче, чем первая, хотя я до сих пор не знаю, было ли ощущение бурления и ползания в моем желудке реальным или мне показалось.

— Оставьте нас, — сказала Эфира через плечо. Повара молча собрали свои вещи и забрались в гондолу: журчание воды стало единственным звуком в пещере, пока они возвращались на берег.

— Не доверяете своим людям? — спросил я.

— Я доверяю им настолько, насколько вообще можно доверять кому-либо, — ответила Эфира. Она вытерла рот уголком салфетки, затем сложила руки на коленях. — Когда вы впервые вступили в контакт с Персефоной?

— Что вы узнали от Шира? — Спросил я в ответ.

— О? Это его имя?

— То, которое он назвал.

— Значит, это не его имя.

— Я вошел в контакт с Персефоной почти неделю назад. Что вы узнали от Шира? — повторил я.

— Я узнала, что Персефона применяет к своим сотрудникам ограничительный гейс, или связывающую клятву, или что-то в этом роде. Он был достаточно мотивирован, чтобы побеседовать со мной, он сказал примерно полпредложения, а потом у него пошла пена изо рта и он умер, захлебнувшись собственной слюной. Что привело вас к Персефоне в первую очередь?

Я внутренне содрогнулся, но сохранил бесстрастное лицо. — Меня направили к ней. — Образ маленькой девочки с глубокими карими глазами снова возник передо мной. Я откуда-то знал эти глаза. Но где? — Расследую постороннее дело.

— Постороннее? — спросила Эфира.

— Постороннее, в смысле не касающееся вас.

— Это определенно касается меня сейчас. — Она сделала паузу, затем продолжила, когда я не ответил. — Прекрасно. Вас направили к Персефоне, где вы, что? Самовольно решили заняться преступной деятельностью?

— Не произвольно, нет.

— Значит, услуга за услугу. У вас есть определенные зависимости от химических веществ, но ничего такого экзотического, для чего бы понадобился кто-то вроде Персефоны, ничего такого особенного, — размышляла Эфира. Я вздрогнул от намека, который она только что сделала, но она невозмутимо продолжала. — Остается два варианта: золото или демоны. И я предполагаю последнее.

— Я пришел к ней за информацией. Можно было договориться, либо уйти.

— И как только она назвала свою цену, что, по ее словам, вы должны были сделать? — спросила Эфира.

— Приобрести сапфир. Но теперь я уверен, что на самом деле мы не для этого приходили. — Я побарабанил пальцами по столу.

— Но это то, что вам сказали?

— Да.

— Что вас насторожило? — спросила Эфира.

— Несколько вещей. Тот факт, что нам не сказали, где находится драгоценный камень. Указали два возможных места. — Вспомнились первые моменты планирования. То, как Шир, казалось, совершенно спокойно относился к такому легкомысленному характеру плана. — Но когда мы прибыли туда, путь назад уже был свободен. Шир сказал, что другая команда прошла и расчистила путь, но это не имело смысла. Канализационный проход был открыт — это одно. Но решетки, ведущие наверх из канализации, были открыты сверху. Никто не мог получить доступ к замкам, если только он уже не был во дворе.

— Подразумевается, что у Персефоны есть кто-то в доме, — заметила Эфира.

— Верно. Если у нее есть кто-то внутри, почему бы не знать, где находится сапфир?

— Возможно, у этого предателя нет доступа. У Мифрал работает множество садовников и ландшафтных мастеров, любой из них имел бы уникальные возможности, чтобы отпереть решетку, но не имел свободного прохода в остальную часть поместья. Возможно, это случайность.

— Нет, если совместить это со всем остальным, — настаивал я. — Гравитационное поле должно было сработать, когда мы выйдем. Но оно сработало почти сразу, и Шир попытался свалить это на другого. Добавьте к этому тот факт, что они послали нас проверить сейф в спальне, а не в оценочной комнате, когда, как можно предположить, вероятность того, что камень окажется в спальне, а не в той комнате, гораздо выше.

— Вы не ошибаетесь, — признала Эфира. Она отодвинула чашу со своим Сцео в сторону, и я с приглушенным восхищением наблюдал, как оно начало преобразовываться. — Мифрал любит выставлять напоказ свое богатство, но по-настоящему исключительные вещи она всегда оберегает и прячет.

— Но самой значительной неожиданностью, — продолжил я, — было то, что вы были там.

— Я?

— Да. Все было спланировано до мелочей. И если Персефона настолько компетентна, насколько она притворяется…

— Да, — подтвердила Эфира.

— Тогда маловероятно, что она не знала, что верховный советник должен посетить жертву кражи.

— Итак, если дело было не в сапфире, то в чем же? — спросила Эфира голосом, намекавшим на то, что она уже знает ответ.

— Мифрал — крупнейший торговец драгоценными камнями в анклаве. — Я укоризненно посмотрел на нее. — Вы были там не для отдыха и расслабления, а если и были, то это была деловая встреча, обставленная как посещение банного дома.

— Ничего из сказанного вами не является тайной, принц, — сухо сказала Эфира.

— Персефона знала, что вы будете там. Она хотела, чтобы вы потеряли лицо перед Мифрал, и намеревалась использовать для этого эффектное, но в конечном итоге неудачное ограбление. Хотя… — Я потерялся в размышлениях, дойдя до конца своей мысленной линии. — Я не уверен в конкретных причинах.

Впервые с начала разговора между нами повисла тишина.

— Ну… — наконец сказала Эфира. — Я знаю, зачем.

Я вздрогнул от этого. — О?

— Во-первых, мне понадобятся некоторые доказательства.

Как только Эфира получила соответствующие клятвы и заверения, что мои отношения с Персефоной — всего лишь вопрос удобства, и что я буду содействовать ей, чтобы добиться поражения полудемоницы, она наконец объяснила ситуацию.

Мифрал торговала в основном драгоценными камнями, это правда. Но она также торговала редкими артефактами, в которых содержались драгоценные камни. Часто они были декоративными, но поскольку драгоценные камни могли использоваться для усиления маны, они могли быть чрезвычайно мощными.

Несколько месяцев назад семнадцатилетний инфернал, вернувшийся из Святилища, принес артефакт: скипетр, увенчанный бриллиантом размером с кулак. Он был продан Мифрал за малую толику того, чего, вероятно, стоил. Только никто не знал, сколько он стоил, потому что Мифрал ревностно оберегала его и не давала возможности оценить, что привело к слепой войне на торгах.

В торгах участвовала анонимная сторона, которая, как была уверена Эфира, была Персефоной, и у нее заканчивались деньги.

— На что способен артефакт такого уровня? — спросил я.

— Возможности почти безграничны. — В глазах Эфиры плясала жадность. — Но в большинстве случаев алмазы чаще всего используются в артефактах, создающих иллюзии — часто иллюзии настолько сильные, что их невозможно отличить от реальности.

Я замер. Вспомнилась моя темная тень, покидающая дом Майи, пропитанная кровью. Казалось, все встало на свои места.

— Итак, в лучшем случае Шир найдет скипетр. Но это маловероятно, по сравнению с альтернативой.

Эфира кивнула. — Персефона пытается подтолкнуть Мифрал к скорейшей продаже, пока она еще в выигрыше.

— Как я понимаю, Гемон вовлечен в эту борьбу? — прохладно спросил я.

— Уже нет. В последние несколько недель он выбыл из игры, — сказала Эфира.

Это сбило меня с толку. — Тогда кто остался?

В этот момент мембраны слизняков, копошащихся в моем желудке, наконец-то лопнули. Вкус, хотя я не пробовал его, а скорее вдыхал, был полным, и приятным, и изысканным, и ошеломляющим, как будто я никогда раньше не пробовал ничего по-настоящему вкусного.

Но у меня было лишь мгновение, чтобы насладиться им.

Эфира подняла три пальца. — Остальные участники торгов — я, Персефона и Ралакос.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2460783